

Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода — эпизод 15 из 19

Здесь лежат знаменитые витязи: совершились их подвиги; они успокоились в могиле и ничем уже не должны отечеству, но отечество должно им вечною благодарностию. О воины новгородские! Кто из вас не позавидует сему жребию! Храбрые и малодушные умирают: блажен, о ком жалеют верные сограждане и чьею смертью они гордятся! Взгляните на сего старца, родителя Михайлова: согбенный летами и болезням и, бесчадны и при конце жизни, он благодарит небо, ибо Новгород погребает великого сына его. Взгляните на сию вдовицу юную: брачное пение соединилось для нее с гимнами смерти, но она тверда и великодушна, ибо ее супруг умер за отечество... Народ! Если всевышнему угодно сохранить бытие твое, если грозная туча рассеется над нами и солнце озарит еще торжество свободы в Новгороде, то сие место да будет для тебя священно! Жены знаменитые да украшают его цветами, как я теперь украшаю ими могилу любезнейшего из сынов моих... (Марфа рассыпала цветы)... и витязя храброго, некогда врага Борецких, но тень его примирилась со мною: мы оба любили отечество!.. Старцы, мужи и юноши да славят здесь кончину героев и да клянут память изменника Димитрия! Клятва, вечная клятва его имени и роду! воскликнули все чиновники и граждане, и брат Димитрия упал мертвый в толпе народной, и супруга его отчаянная бросилась в шумную глубину Волхова.

Уже легионы Иоанновы приближались к великому граду и медленно окружали его: народ с высоких стен смотрел на их грозные движения. Уже белый шатер княжеский, златым шатром увенчанный, стоял пред вратами Московскими и Степенный тысяцкий отправился послом к Иоанну. Новгородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить ее миром. Марфа знала сердца народные, душу великого князя и спокойно ожидала его ответа. Тысяцкий возвратился с лицом печальным: она велела ему объявить всенародно успех посольства... Граждане! сказал он. Ваши мудрые чиновники думали, что князь московский хотя и победитель, но самую победою, трудною и случайною, уверенный в великодушии новгородском, может еще примириться с нами... Бояре ввели меня в шатер Иоанна... Вы знаете его величие: гордым взором и повелительным движением руки он требовал от меня рабского унижения... Князь Московский! я вещал ему. Новгород еще свободен! Он желает мира, не рабства. Ты видел, как мы умираем за вольность: хочешь ли еще напрасного кровопролития? Пощади своих витязей: отечеству русскому нужна сила их. Если казна твоя оскудела, если богатство новгородское прельщает тебя

возьми наши сокровища: завтра принесем их в стан твой с радостью, ибо кровь сограждан нам драгоценнее золота, но свобода и самой крови нам драгоценнее. Оставь нас только быть счастливыми под древними законами, и мы назовем тебя своим благодетелем, скажем: Иоанн мог лишить нас верховного блага и не сделал того; хвала ему. Но если не хочешь мира с людьми свободными, то знай, что совершенная победа над ними должна быть их истреблением, а мы еще дышим и владеем оружием; знай, что ни ты, ни преемники твои не будут уверены в искренней покорности Новаграда, доколе древние стены его не опустеют или не примут в себя жителей, чуждых крови нашей! Покорность без условия или гибель мятежникам! отвечал Иоанн и с гневом отвратил лицо свое. Я удалился.

Марфа предвидела действие: народ в страшном озлоблении требовал полководца и битвы. Александру Знаменитому вручили жезл начальства и битвы начались...

Дела славные и великие! Одни русские могли с обеих сторон так сражаться, могли так побеждать и быть побеждаемы. Опытность, хладнокровие мужества и число благоприятствовали Иоанну; пылкая храбрость одушевляла новгородцев, удвояла силы их, заменяла опытность: юноши, самые отроки становились в ряды на место убитых мужей, и воины московские не чувствовали ослабления в ударах противников. С торжеством возглашалось имя великого князя: иногда, хотя и редко, имя вольности и Марфы бывало также радостным кликом победителей (ибо вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде). Часто Иоанн, видя славную гибель упорных новгородцев, восклицал горестно: Я лишаюсь в них достойных моего сердца подданных! Бояре московские советовали ему удалиться от града, но великая душа его содрогалась от мысли уступить непокорным. Хотите ли, он с гневом отвечал, хотите ли, чтобы я венец Мономаха положил к ногам мятежников?.. И суровые муромцы, жители темных лесов, усердные владимирцы спешили к нему на вспоможение. Три раза обновлялась дружина княжеская, из храбрых дворян состоящая, и знамена ее (на которых изображались слова: С нами бог и государь!) дымились кровию.

Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новгороде воспаляла умы и сердца. Народ, часто великодушный, нередко слабый, унывал духом, когда новые тысячи приходили в стан княжеский. Марфа! говорил он. Кто наш союзник? Кто поможет великому граду?.. Небо, отвечала посадница. Влажная осень наступает, блата, нас окружающие, скоро обратятся в необозримое море, всплывут шатры Иоанновы, и войско его погибнет или удалится. Луч надежды не угасал в сердцах, и новгородцы сражались. Марфа стояла на стене, смотрела на битвы и держала в руке хоругвь отечества; иногда, видя отступление новгородцев, она грозно

воскликала и махом святой хоругви обращала воинов в битву. Ксения не разлучалась с нею и, видя падение витязей, думала: Так пал Мирослав любезный! Казалось, что сия невинная, кроткая душа веселилась ужасами кровопролития столь чудесно действие любви! Сии ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксения всею более хотела и любила заниматься ею. Она знала Холмского по его оружию и доспехам, обогренным кровию Мирослава; огненный взор ее звал все мечи, все удары новгородские на главу московского полководца, но железный щит его отражал удары, сокрушал мечи, и рука сильного витязя опускалась с тяжкими язвами и гибелию на смелых противников.